

Нати Раф



После
ИЗМЕНИ

НАСТУПАЕТ

Осень



Нати Раф

После измены наступает осень

«Автор»

2026

Раф Н.

После измены наступает осень / Н. Раф — «Автор», 2026

Двадцать три года. Последний курс Академии художеств. Жених, свадьба, будущее, расписанное по пунктам. Настя уверена, что у неё всё получится, нужно только ещё немного постараться. Но одна распахнутая без стука дверь меняет всё. В городе, где она чужая, у неё не остаётся ничего: ни дома, ни планов, ни веры в то, что она сама чего-то стоит. Зато остаётся осень, золотая и обманчиво нежная, и мужчина с серыми глазами, чья язвительная улыбка почему-то задевает сильнее, чем чужое предательство. Артём знает больше, чем говорит. И он слишком внимательно смотрит на кольцо на её пальце. Что связывает его с её прошлым? Почему так больно, когда он уезжает? И можно ли начать любить, пока старая рана ещё не закрылась? От автора: Иногда нужно разбиться вдребезги, чтобы встретить того, кто умеет собирать осколки.

© Раф Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Г	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Нати Раф

После измены наступает осень

Глава 1

В тот день Вельбург пах яблоками и дождём.

Я бежала по набережной Вельвы, и осень бежала вместе со мной. Она была ещё не окончательной, не обречённой: трава под липами оставалась упрямо зелёной, на клумбах догорили последние астры и бархатцы, а между ними уже лежали первые жёлтые листья, мокрые и блестящие, будто кто-то рассыпал по мостовой золотые монеты. Над каналами висел тонкий туман. Мосты, как всегда, казались нарисованными тушью на серой бумаге неба.

Я не просто шла. Я летела.

Кремовый вязаный свитер с крупной косой, которую я так любила, ловил ветер. Клетчатая юбка выше колена хлопала по ногам. Волосы, мои длинные, непослушные волны почти до самой поясицы, выбились из-под заколки и лезли в лицо, цеплялись за ресницы, но мне было всё равно. В сумке, прижатой к боку, лежал бумажный пакет, и я прижимала его так бережно, словно там билась живая птица.

Салфетки.

Смешно, правда? Взрослая девушка, двадцать три года, последний курс Академии художеств, а счастлива из-за салфеток. Но я искала их два месяца. Два месяца! Я обошла все бумажные лавки, перерыла каталоги, заказывала образцы, получала не то. Одни оказывались холодно-белыми, как больничная простыня. Другие были такого жёлтого цвета, что напоминали скорее старую газету. Третьи прекрасно выглядели, но стоили так, что у меня темнело в глазах.

А эти... Эти были цвета сливок, тёплые, чуть шероховатые на ощупь, с тиснёным узором в виде тонких веточек по краю. Они ложились точно в нашу палитру: кремовый, золотой, глубокий бордо. И цена, о, эта цена! Я пересчитала три раза, потом ещё раз на салфетке же, чтобы убедиться, что не ошиблась ни на копейку.

«Сергей будет доволен», — думала я, перепрыгивая через лужу.

Я думала так каждый раз. Каждый раз, когда находила что-то для нашей свадьбы, мне казалось: вот оно, наконец-то он скажет «молодец» и улыбнётся так, как улыбался раньше, в самом начале. Только улыбался он всё реже. Он вообще всё реже со мной соглашался.

Ресторан он выбрал сам. Вернее, не выбрал, а настоял, чтобы праздновать мы будем именно у него, в его собственном заведении «Орлов», с этим тяжёлым тёмным деревом, чугунными люстрами и стенами цвета запёкшейся крови. Дизайн там был сложный, давящий, как музей, в котором страшно громко дышать. Я представляла нашу свадьбу совсем иначе: светлый зал с большими окнами, живые ветки в вазах, много воздуха. Я даже нарисовала эскиз. Сергей посмотрел на него две секунды и сказал:

— Милая, это детский сад. Люди придут в серьёзное место, а не на утренник.

Я убрала эскиз в папку и больше его не доставала.

Потом он отказался оплачивать дизайнера и организатора свадеб. «Ты же у меня художница, — сказал он, целуя меня в висок. — Вот и займись, раз такое образование». Всё легло на мои плечи: рассадка, цветы, скатерти, программа вечера. Я не жаловалась. Я правда не жаловалась. Я думала, что так выглядит любовь: ты просто делаешь, делаешь, делаешь, и однажды всё сложится.

Поэтому сегодня я решила не звонить. Просто прийти и положить пакет ему на стол. Увидеть, как он удивится.

До «Орловъ» оставался последний поворот, и я свернула за угол, не глядя.

Удар был настолько неожиданным, что я не сразу поняла, что произошло. Что-то твёрдое и тёплое выросло передо мной, моя сумка вылетела из рук, а пакет с салфетками шлёпнулся прямо в лужу.

— Осторожнее! — услышала я над головой.

— Это вы осторожнее! — выпалила я, вскинув глаза.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, мне пришлось запрокинуть голову, примерно на полголовы выше меня. Кремовый плащ, расстёгнутый на груди, светлая рубашка, джинсы и коричневый кожаный ремень. Светлые волнистые волосы, чуть длиннее, чем принято у мужчин, падали ему на воротник. На щеках лежала лёгкая небритость, а глаза... Серые, как вельвский туман, и очень внимательные. Слишком внимательные для случайного прохожего.

Он наклонился и ловко выудил из лужи мой пакет, оглядел его, поморщился.

— Кажется, это было что-то важное.

— Это были салфетки, — сказала я сквозь зубы, выхватывая пакет. Бумага размокла, веточки по краям поплыли. — Они были идеальные.

— Простите, — сказал он, и в уголке его губ мелькнуло нечто похожее на усмешку. — Но, если вдуматься, вы сами в меня врезались.

— Я спешила!

— Заметно. Вы мчались, как будто за вами гнались.

— А вы стояли посреди тротуара, как фонарный столб!

Он приподнял бровь. Я вдруг заметила, что мы стоим слишком близко, что от его плаща пахнет кофе и чем-то тёплым, древесным, и что у меня горят щёки, совсем некстати.

— Фонарный столб, — повторил он серьёзно. — Меня ещё никогда так не называли.

Я хотела ответить что-нибудь колкое, но в голову не пришло ни слова. Вместо этого я буркнула: «Извините, мне пора», — и обошла его, почти задев плечом. Спинай я чувствовала его взгляд, пока не дошла до тяжёлых дверей «Орловъ» и не толкнула их ладонью.

Внутри было тепло, пахло жареным мясом, розмарином и дорогим деревом. Время до вечерней смены ещё не пришло, зал стоял полупустой: официанты расставляли приборы, бармен протирал бокалы. И все они, как по команде, подняли головы и застыли.

Я привыкла, что мне улыбаются. Меня здесь знали, я приходила не раз. Но сегодня на лицах была не улыбка. Метрдотель, Павел, всегда невозмутимый, вдруг побледнел, и его рука с планшетом дёрнулась.

— Анастасия Александровна? — сказал он каким-то чужим голосом. — А мы... мы вас не ждали.

— Я сюрпризом! — я улыбнулась, поднимая мокрый пакет, как трофей.

Одна из девушек-официанток уронила ложку. Звон разнёсся по залу, как выстрел.

— Может, кофе? — торопливо проговорил Павел, делая шаг мне наперерез. — Или перекусить? У нас сегодня чудесный тыквенный суп, Анастасия Александровна, давайте я посажу вас у окна...

— Спасибо, не сейчас, — отмахнулась я. — Сергей Николаевич у себя?

Они переглянулись. Это длилось одно мгновение, но я заметила, и что-то холодное шевельнулось у меня под рёбрами. Однако радость ещё несла меня вперёд, как волна, и я не стала слушать внутренний голос. Я прошла мимо Павла, мимо барной стойки, по длинному коридору с тёмными панелями, увешанными картинами в тяжёлых рамах. Каблуки глухо стучали по паркету.

Дверь кабинета была приоткрыта. Из щели лился тёплый свет, и я услышала приглушённый смех. Женский.

Я подумала: наверное, бухгалтер. Или кто-то из поставщиков.

Я распахнула дверь, широко, без стука, с готовой улыбкой на губах, и слова «Смотри, что я нашла!» уже сложились у меня на языке.

И замерла.

Время словно вынули из мира, как вынимают нитку из ткани. Я увидела всё сразу и ничего целиком: тёмный кожаный диван у стены, сбитые подушки, чью-то туфлю, лежащую на ковре. Сергея, моего Сергея, с растрёпанными волосами, в расстёгнутой рубашке, которую он поспешно, судорожно запахивал в брюки. И девушку. Рыжие волосы рассыпались по её плечам, платье сползло на сторону, а она, пунцовая, вскочила и прижала к груди смятую ткань, отворачиваясь к окну.

Никто не произнёс ни слова. Было слышно только, как за стеной звякнула посуда и как стучит моё сердце, громко, оглушительно, прямо в ушах.

Мне нужно было что-то понять. Я изо всех сил искала объяснение: может, ей стало плохо? Может, это его двоюродная сестра? Может, они репетируют какую-то сценку для праздника? Мысли метались, как испуганные птицы в комнате, бились о стёкла и не находили выхода. А тело уже знало. Тело, как всегда, знало раньше головы: ноги стали ватными, ладони ледяными, а в горле встал твёрдый ком, как будто я проглотила камень.

— Я... — выдавила я. Голос прозвучал тонко и жалко. — Простите. Я... я не знала. Простите, пожалуйста.

Это было самое ужасное: я извинялась. Стояла посреди кабинета своего жениха, видя то, что видела, и просила прощения, как провинившаяся школьница.

Сергей поднял голову. Я ждала, что он скажет что-нибудь, что угодно: «Настя, это не то, что ты думаешь», «Дай мне объяснить». Любую глупую, избитую фразу, за которую я смогла бы ухватиться.

Но его лицо, его красивое, спокойное лицо, которое я целовала столько раз, исказилось от злости.

— Ты что здесь делаешь?! — рявкнул он так, что я вздрогнула. — Тебя кто звал? Тебя вообще кто просил приходить?

— Я хотела... салфетки... — пролепетала я и, как дурочка, протянула ему мокрый пакет.

— Какие, к чёрту, салфетки?! — Он шагнул ко мне, и я невольно отступила. — Тебя не учили стучать? Ты в приличном месте или на базаре?! Это мой кабинет! Мой! Вон отсюда, слышишь? Вон! И чтобы я тебя здесь больше не видел, пока я сам не позову!

Каждое слово ударяло, как пощёчина. Я хотела сказать что-то, хоть что-нибудь, но губы не слушались. Пакет выскользнул из пальцев и упал на пол, и размокшие салфетки рассыпались у моих ног, сливочные, нежные, ненужные.

Я развернулась и побежала.

Коридор с тёмными картинами смазался, превратился в тёмную реку. Я пронеслась мимо Павла, который что-то говорил мне вслед, мимо бледных лиц официантов, и тяжёлая дверь «Орловъ» впустила меня в сырой, холодный воздух. Я врезалась плечом в массивную створку, потом ещё раз, в чей-то зонт, и кто-то охнул мне вслед, но я не обернулась.

Слёзы пришли не сразу. Сначала было странное, звенящее ничего. А потом они хлынули, горячие, неудержимые, и мир расплылся: жёлтые листья стали золотыми пятнами, фонари обернулись размытыми звёздами, а мосты поплыли, как отражения в воде.

Я бежала по набережной, по той самой, по которой ещё полчаса назад летела навстречу своему счастью. Теперь осень была другой. Она уже не казалась мне тёплой и золотой, она пахла сыростью и концом. Ветер рвал волосы, швырял их мне в мокрое лицо, а я всё бежала и бежала, не разбирая дороги, не зная куда, лишь бы подальше, лишь бы туда, где нет ни этих стен цвета запёкшейся крови, ни этого смеха за приоткрытой дверью, ни его голоса.

Я бежала, и в груди у меня что-то ломалось тихо и окончательно, как хрупкая ветка под ногой.

И не было на всём свете ни одной улицы, которая вела бы домой.

Глава 2

Не помню, сколько я шла.

Река вела меня, как поводырь ведёт слепого. Я просто шла вдоль неё, мимо чугунных оград, мимо скамеек, на которых сидели какие-то люди, мимо мостов, один, другой, третий. Слезы то подступали, то отпускали, и тогда лицо стягивало солью, как после моря. Внутри было пусто. Не больно, а именно пусто, как в доме после переезда, когда вынесли всю мебель и по комнатам гуляет эхо. Что-то во мне разбилось там, в кабинете, и теперь осколки перекачивались внутри и тихо звенели при каждом шаге.

Я не понимала, что происходит вокруг. Видела людей, но не видела лиц. Слышала трамваи, но не понимала, откуда они. Мир шёл мимо меня, а я шла мимо мира.

А в голове, как на заевшей плёнке, снова и снова вставала одна и та же картинка: диван, смятые подушки, расстёгнутая рубашка, рыжие волосы. И вдруг, на очередном мосту, посреди белого шума, картинка дрогнула и приобрела имя.

Я узнала её.

Карина. Её звали Карина, и она возила кофейные зёрна в «Орловь». У неё была маленькая обжарочная мастерская на окраине, и раз в неделю она приезжала с мешками, в джинсах и мужской рубашке, с этими рыжими волосами, собранными в небрежный пучок. Сегодня волосы были распущены, и я не сразу сообразила. Я видела её раньше, не раз. Даже здоровалась. Однажды она вежливо похвалила мой рисунок, который я оставила на столике в баре. А Сергей между делом, как о чём-то совсем незначительном, говорил: «Наш лучший поставщик, с ней проще, чем с другими. Умная баба».

Умная баба.

Я остановилась, вцепившись в холодный парапёт, и меня замутило.

Давно ли? Эта мысль ударила следом. Сколько раз она приезжала по средам, и Сергей «задерживался на закупках»? Сколько раз он возвращался поздно, и от него пахло не коньяком, а чем-то горьким и жареным, и я думала: наверное, пробовали новый сорт? Я вспоминала и вспоминала, а воспоминания, как карточки, перетасовывались, и каждая вдруг ложилась другой стороной.

А потом пришло то, чего я боялась больше всего: а вдруг я сама виновата?

Вдруг я была слишком занята своими эскизами, этой свадьбой, выпускной работой? Вдруг я мало внимания ему уделяла, редко готовила, плохо слушала? Вдруг, если бы я была другой, более яркой, более уверенной, более женственной, этого бы не случилось? Я прокручивала эти «вдруг», как чётки, и мне было стыдно за себя, будто это меня застали, а не его.

И всё же внутри, под всеми этими «вдруг», лежало твёрдое, холодное знание, и оно не оставляло места для оправданий. Я прекрасно понимала, что это было. Это была измена. Никакая не сценка, никакая не двоюродная сестра. Измена, простая и некрасивая, как и все они.

Когда небо потемнело, я заметила, что вокруг зажглись фонари.

Я остановилась и огляделась, и поняла, что понятия не имею, где нахожусь. Вельбург, мой Вельбург, в который я приехала несколько лет назад из маленького городка с одним светофором, всё ещё оставался для меня огромным и чужим. Я знала Академию, знала дорогу до «Орловь», знала дом Сергея. Остальное было белыми пятнами на карте. А тут какие-то набережные с незнакомыми названиями, дома из тёмного кирпича, булыжная мостовая.

Дом Сергея.

Мысль про дом легла на меня тяжестью. Я ведь жила у него. Раньше снимала комнату на окраине и подрабатывала, где получалось: то в кафе, то у художников, то на подготовке выставок. Потом, на последнем курсе, Сергей сказал: «Зачем тебе тратить деньги на аренду? Переезжай ко мне, готовься к диплому». Я бросила подработки, осталась на одной стипендии,

да и та была последней. Она кончалась в декабре. Я свела свою жизнь к его квартире, как сворачивают рисунок в трубочку, чтобы он влез в тубус.

И кредит.

Я вспомнила и про него, нехотя, как вспоминают про занозу. Кредит на нашу свадьбу. Ещё тогда, когда у меня была работа, Сергей настоял, чтобы оформила его именно я. «У меня сейчас вложения в ресторан, налоговая нагрузка, тебе проще, милая, на тебя дадут лучше». Тогда это звучало разумно. А сейчас, на холодной набережной, это прозвучало совсем иначе. Я оттолкнула эту мысль, как делала все последние недели: потом, потом разберусь, сейчас не до этого.

Мне нужно домой, решила я. Домой, поговорить. Объясниться. Узнать, что теперь будет. Ведь я его любила. Господи, как я его любила, или мне так казалось. Свадьбы не будет, это ясно, но что тогда? Вопросов в голове было слишком много, они вставали друг на друга, как кубики, и грозили обрушиться.

Я сунула руку в карман за телефоном, чтобы вызвать такси и посмотреть, где я. Карман на сумке, где он обычно лежал, оказался пустой.

Телефон я потеряла. Наверное, выпал, когда я врезалась плечом в дверь «Орловъ» или в чей-то зонт. Я нащупала на дне сумки кошелек. Хотя он остался. Значит, деньги на такси есть. Только вот позвонить не с чего.

И тут я передумала. Нет. Не домой. Не туда, где на вешалке висит его пальто, где подушки пахнут его одеколоном. К Маше. Моей Маше, единственной настоящей подруге, которая знала меня ещё со студенческих времён первого курса. Сначала к Маше, а потом уже всё остальное.

Я огляделась в поисках таблички и посмотрела на название ближайшей улицы. Улица называлась Старолитейной. Я не знала такой.

Но тут, сквозь усталость, сквозь эту звенящую пустоту, до меня наконец дошло, где я стою.

Это место было невероятно красиво.

Набережная здесь изгибалась широкой дугой, и вдоль неё росли старые клёны и каштаны, которые ещё не сбросили листву, но уже вспыхнули всеми красками, какие только бывают у осени. Багряные, оранжевые, медные, лимонно-жёлтые, а среди них ещё зелёные, упрямые, не сдавшиеся. В свете фонарей они казались не настоящими, а написанными, мазками густого масла. Под деревьями ковром лежали опавшие листья, и ветер перекачивал их по мостовой с тихим шорохом. На клумбах у воды ещё доцветали поздние хризантемы и георгины, белые, винные, золотые. А река, тёмная и спокойная, принимала в себя огни, и вся набережная отражалась в ней вторым перевёрнутым городом, мерцающим и дрожащим.

Я стояла и смотрела. Я художница, и даже сейчас, со слезами на щеках, с разбитым сердцем, я не могла не заметить, как это красиво. Я чуть наклонила голову, прищурилась, как делаю всегда, примеряя композицию, отошла на пару шагов, потом присела, чтобы посмотреть снизу, через гроздь рябины. Под любым углом картина была совершенна. И я вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь. Слабо, криво, но улыбаюсь. Мир не рухнул. Он по-прежнему был красив, и в этом было что-то утешительное и жестокое одновременно.

И тогда я увидела здание.

Оно стояло чуть в стороне, в глубине набережной. Старый кирпичный корпус, судя по арочным окнам, бывший склад или фабрика, а в него, словно выросла в камень, была встроена современная стеклянная пристройка, тёплая, светящаяся изнутри янтарным светом. Старое и новое не спорили, а обнимались. Над входом тянулась тонкая латунная надпись: «Янтарный час. Галерея».

Галерея. Там обязательно будет телефон. Люди, которые держат галереи, не могут не иметь телефона.

Я толкнула стеклянную дверь, и колокольчик над ней тихо звякнул.

Внутри пахло деревом, свежей краской и чем-то неуловимо тёплым, как в мастерской. Высокие стены, мягкие точечные светильники, на стенах большие полотна. Я прошла несколько шагов и остановилась, забыв, зачем пришла: это были удивительные работы. Осенние пейзажи, портреты, смелые, живые, где свет будто лежал на холсте пятнами тёплого мёда. Одно полотно, огромное, изображало женщину у окна, и в её плечах было столько тоски и столько нежности, что у меня перехватило дыхание.

— Эй, — тихо позвала я. — Здесь кто-нибудь есть?

Тишина. Только где-то глухо тикали часы.

У входа стояла стойка ресепшена, тёмная, лаковая, а на ней, о счастье, старый дисковый телефон цвета слоновой кости. Никого за стойкой не было. Я помедлила, прислушалась. Потом осторожно перегнулась через край, дотянулась до трубки и начала набирать номер Маши, цифра за цифрой, крутя тугой диск. К счастью, номер я помнила.

— Что вы делаете?

Голос раздался совсем рядом, низкий, спокойный, и я так вздрогнула, что едва не выронила трубку. Обернулась.

У арки, ведущей в соседний зал, стоял мужчина. Кремовый плащ был снят и перекинут через руку, рукава светлой рубашки закатаны до локтей, на предплечье виднелось пятнышко краски. Светлые волосы, лёгкая небритость. И серые глаза, которые я уже видела сегодня.

Фонарный столб.

— Вы?! — вырвалось у меня.

— Вы?! — повторил он с таким же изумлением, и брови его поползли вверх.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд. Потом уголок его рта дрогнул.

— Простите, я, кажется, опять не там и не вовремя. Вы нашли способ ворваться в мою галерею так же стремительно, как врезались в меня на улице. — Он медленно оглядел меня с головы до ног: растрёпанные волосы, размазанная тушь, помятый свитер, мокрые от слёз ресницы. — Что с вами случилось? Выглядите так, будто побывали на поле боя. На побоище, я бы сказал.

Я хотела обидеться. Хотела ответить что-то язвительное, как днём. Но язвительности не нашлось. Нашлось только неожиданное, предательское дрожание подбородка.

— Мне нужно было позвонить, — сказала я тихо. — Я потеряла телефон. Я хотела попросить... Дверь была открыта, никого не было. Простите, я не хотела вторгаться.

Он перестал улыбаться. Что-то изменилось в его лице: насмешка растаяла, и на её месте появилось внимательное, чуть растерянное выражение, как у человека, который собирался пошутить, а наткнулся на настоящую боль.

— Вы плакали, — сказал он негромко. Это был не вопрос.

— Это не ваше дело, — ответила я, но вышло слишком слабо.

— Верно, — согласился он. — Не моё. Позвоните, пожалуйста, куда нужно. — Он шагнул ближе и придвинул мне трубку, которую я так и держала в руке. — А потом скажите, куда вас отвезти.

— Не нужно, я вызову такси.

— Такси в этом районе в такое время придётся ждать час. А вы, простите, выглядите так, что я не хочу, чтобы вы стояли час на набережной. Я отвезу вас. Куда вам надо?

Я открыла рот, чтобы отказаться. И закрыла. Потому что вдруг очень захотелось, чтобы кто-то просто взял меня за руку и повёз, куда нужно, и ни о чём не спрашивал.

Маша не отвечала. Гудки тянулись и тянулись. Я положила трубку.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо.

— Артём, — представился он, протягивая руку. — Лавров. Хозяин этого безобразия.

— Анастасия, — пробормотала я, пожимая тёплую ладонь. — Настя.

— Очень приятно, Настя. Особенно после «фонарного столба».

Я против воли хмыкнула, и он улынулся шире, довольный.

Его машина стояла за зданием: старый тёмно-зелёный «Вольво» с хромированными бамперами, из тех, что давно стали винтажем. Артём открыл мне дверь, придержал её, и я скользнула на бежевое кожаное сиденье, потёртое, мягкое, с запахом кофе, масляных красок и чего-то древесного, того самого запаха, который я уловила ещё днём на улице. Внутри было уютно, как в маленькой пещере. На приборной панели лежала кисть, а на заднем сиденье, закутанный в пледик, прислонился к спинке холст.

Артём сел за руль. Завёл мотор, и машина заурчала низко, по-старинному и двинулась.

— Так куда?

Я смотрела в окно, на плывущие мимо фонари. Нужно было ответить: «К подруге». Назвать Машин адрес. Но я так устала, так выбилась из сил, что язык сам, привычно, по накатанной колее выдал совсем другое. Я назвала улицу и номер дома Сергея. Потому что там мои вещи, документы, паспорт, зарядка, всё, что мне нужно будет забрать, прежде чем уйти.

Артём молчал секунду. Другую. Его руки на руле едва заметно напряглись.

— Понятно, — произнёс он наконец, и голос у него стал чуть другим, суше. Он смутился, я это видела, хоть он и старался не показывать. Адрес был явно знаком ему. Конечно, в этом городе все знали всех, а Сергей Орлов был известным человеком.

Мы ехали по набережной, и огни скользили по лобовому стеклу. Я исподтишка рассматривала Артёма. Профиль у него был красивый, чёткий: прямой нос, твёрдый подбородок, светлая щетина. Волосы, чуть волнистые, закрывали ему воротник. На сильных руках, лежащих на руле, виднелись вены и пятнышки краски. Он не походил на людей, которых я знала. Не на таких, как Сергей, всегда подтянутых, глаженных, с вечным телефоном в руке. В Артёме было что-то настоящее, живое, неприглаженное. Мужское, да, именно мужское, не мальчишеское. От этой мысли мне стало жарко, и я быстро отвернулась к окну, чувствуя, как краснеют щёки. Господи, о чём я думаю? Только что, всего пару часов назад... Мне должно быть стыдно.

— Вы замёрзли? — спросил Артём и, не дожидаясь ответа, повернул ручку печки.

— Нет, спасибо.

— Тогда почему вы дрожите?

— Это не от холода.

Он ничего не сказал. Но через минуту я заметила, как он молча стянул с заднего сиденья тот самый плед и протянул мне одной рукой, не отрывая глаз от дороги. Я укутала плечи, и от пледа пахло им, и меня опять качнуло в жар.

Он был галантен: открывал двери, пропускал вперёд, не задавал лишних вопросов. Но при этом время от времени подкалывал, будто не мог удержаться.

— Знаете, — заметил он, когда мы остановились на светофоре, — если бы вы всегда так знакомились с людьми, врезаясь в них, то у вас бы не осталось ни одного живого места.

— Я не всегда так знаколюсь.

— Хочется верить. Я бы побоялся.

Я не знала, что ответить, и только фыркнула. Но потом заметила кое-что другое. Он смотрел на мою левую руку. Дважды, трижды. Не прямо, а украдкой, будто рассматривал дорогу, а глаза сами соскальзывали вниз, на мой безымянный палец, где поблёскивало тонкое, скромное колечко с крошечным камешком. Подарок Сергея. «Не хочу дарить большое, — говорил он тогда, — вычурность не для нас».

В глазах Артёма на секунду мелькало что-то такое, от чего мне стало неловко. Раздражение, что ли? Даже злость. Непонятно на что: на меня, на ситуацию, на себя. Он сжимал руль чуть крепче положенного и отводил взгляд, а потом снова, невольно, возвращался к кольцу.

И мне вдруг стало стыдно. Почему? Я ведь ничего дурного не сделала. Но сидела в чужой машине, укутанная в чужой плед, и украдкой рассматривала чужого мужчину, пока на моём

пальце было обручальное кольцо. Пусть даже ничего не значащее теперь. Пусть даже кольцо это давно стоило снять. Я спрятала руку под плед.

Остаток пути мы ехали почти молча. Но это было не тяжёлое молчание. В нём было что-то натянутое, звенящее, как струна.

Когда «Вольво» остановился у дома Сергея, высокого, светлого, с лепниной под окнами, Артём заглушил мотор и вышел, чтобы открыть мне дверь. Я выбралась наружу, всё ещё сжимая плед. Хотела вернуть, но он отмахнулся:

— Оставьте. Потом как-нибудь отдадите.

Потом как-нибудь. Эти слова повисли между нами в сыром воздухе.

— Спасибо вам, — сказала я. — Правда. Вы очень меня выручили.

Он кивнул. Взгляд его задержался на моём лице, и в серых глазах отразился жёлтый свет фонаря. На долю секунды мне показалось, что он хочет что-то сказать, что-то совсем другое. Но он только слегка улыбнулся, одними губами, и в этой улыбке не было веселья.

— Удачи вам, — произнёс он ровно. — И вашему жениху.

Он сел в машину. Мотор тихо заурчал, красные огни скользнули вдоль улицы и растаяли в тумане.

Я осталась стоять у подъезда, прижимая к груди его плед, и впервые за этот бесконечный день не знала, что болит сильнее: то, что осталось позади, или то, что только что уехало.

Глава 3

Дом стоял тихо и красиво, как всегда.

Четыре этажа светлого камня, лепнина под окнами в виде тонких виноградных лоз, чугунные балконы, высокие арочные двери с латунными ручками. Современный дом, но не стеклянная коробка, а что-то с художественным вкусом: архитектор явно играл с историей и не боялся смеяться над ней. В окнах первого этажа горел мягкий свет, во дворе под фонарём золотел клён, и опавшие листья лежали на дорожке так аккуратно, словно их кто-то выкладывал вручную.

Я стояла перед дверью и не могла сделать шаг.

Сердце билось так, что я слышала его в висках, в кончиках пальцев, в горле. Руки тряслись, и ключи в них позвякивали тонким, жалким звоном. Мне казалось, что стоит мне ещё раз вдохнуть, и воздух закончится, и я просто перестану дышать, прямо здесь, на ступенях, под этим фонарём. Слёзы текли сами, без рыданий и без всхлипов, просто катились по щекам, как дождевые капли по стеклу, и я даже не вытирала их.

Плед Артёма я прижимала к груди обеими руками. Он пах кофе, красками и чем-то тёплым, и это единственное было сейчас настоящим.

«Войди, — сказала я себе. — Просто войди и заberi вещи. Это же только вещи».

Я толкнула дверь.

В парадной горел мягкий свет, пахло белыми лилиями из высокой вазы у стены. Мраморный пол блестел так, что в нём отражались бронзовые светильники. За стойкой в углу сидел Георгий Петрович, пожилой, подтянутый, в тёмном жилете. Он не был консьержем, как в обычных домах. Он следил за порядком внизу, принимал почту, встречал гостей и знал, кто с кем и когда пришёл. Здесь всё было безупречно чисто, до того, что становилось не по себе: ни пылинки, ни следа от обуви.

— Добрый вечер, Анастасия Александровна, — поднял он голову, и его вежливое лицо едва заметно дрогнуло. — Вы... в порядке?

— Да, спасибо, — выдавила я.

Мне стало жарко от стыда. Что он видит? Всю такую зарёванную, растрёпанную, в помятой кофте и клетчатой юбке, обнимающую какой-то клетчатый плед. Я быстро прошла мимо и свернула к лестнице, но на площадке первого этажа замерла. Прямо напротив висело большое зеркало в тёмной раме.

Я не узнала себя.

Волосы, мои любимые золотистые волны, торчали в разные стороны. Тушь размазалась тёмными пятнами под глазами, нос покраснел, губы распухли. Я выглядела, как девочка, которую выставили под дождь.

Я торопливо достала из сумки пачку бумажных платочков и принялась тереть лицо. Кожа горела. Пригладила волосы ладонью, как смогла, перекинула на плечо. Выдохнула.

А если кто-нибудь из соседей встретится?

В этом доме жили серьёзные люди. На втором этаже, я знала, обитала Элеонора Викторовна, вдова коллекционера, элегантная дама лет семидесяти с серебряными волосами и тонкой тростью, у которой в гостиной висели два настоящих Серова. Этажом выше жила семья Гершвиных, они занимались арт-поездками и экспертизой: возили коллекционеров по аукционам и мастерским, раскладывали по полочкам чужие картины. В доме жили галеристы, реставратор, известная владелица ресторанной сети. Все они были «не последними людьми» в своих сферах и знали друг друга так же, как знают друг друга в маленьких деревнях. Сергей любил это. Ему нравилось, что его соседи именно такие.

Если они меня сейчас увидят, такую, они подумают...

И вдруг меня кольнуло, неожиданно и остро: а что подумал Артём?

Его серые глаза, его усмешка, этот внимательный взгляд, когда он увидел меня в галерее, всю в слезах, с мокрыми ресницами. Он ехал со мной в машине, дал мне плед, а я сидела, как жалкий котёнок. Наверное, он решил, что я истеричка. Или девушка, которая вечно влипает в неприятности. Господи, как же стыдно. Он, наверное, думает обо мне ужасно.

Я тряхнула головой. Не сейчас. Не об этом.

Лестница была широкая, с ковровой дорожкой цвета слоновой кости, и каждая ступенька казалась мне выше предыдущей. Третий этаж. Четвёртый. Квартира Сергея занимала весь верхний этаж, огромная, на сотни квадратных метров, и он очень этим гордился.

У двери я постояла ещё, прислушиваясь. Тишина. Ключ повернулся мягко, почти без звука.

Я вошла. Прихожая встретила меня полумраком и запахом дорогого дерева. Я закрыла за собой дверь как можно тише, будто воровка.

Квартира была красивой. Это нужно сказать честно: она была по-настоящему красивой, как обложка глянцевого журнала. Огромная гостиная с панорамными окнами, за которыми огоньками мерцал Вельбург. Тёмный мрамор на полу, стены цвета мокрого асфальта, длинный диван из серой кожи, стеклянный стол, чёрная люстра в виде переплетённых стальных ветвей. На стенах висели картины: абстракции, холодные синие и серые пятна, купленные не потому, что нравились, а потому, что стоили дорого и подтверждали статус. Всё было выстроено, выверено и абсолютно мертво.

Я смотрела на эту гостиную, и в горле вставал ком. Сколько раз я мечтала сделать её живой! Повесить тёплые занавески, поставить на подоконник герань или хотя бы фикус, положить на диван пёстрый плед, разложить на полках свои этюды, поставить старую керамическую вазу, которую привезла из дома. Один раз я принесла охапку красных кленовых листьев и поставила в стеклянный кувшин. Сергей посмотрел и сказал: «Это мусор, Настя. Выброси». Я выбросила. В другой раз купила маленькую лампу с бежевым абажуром. Он поморщился: «Не вписывается в концепцию». У него всегда находился аргумент. Убедительный, спокойный, с этой снисходительной улыбкой: «Ты же художница, ты должна понимать». И я понимала. Я каждый раз понимала.

Я сделала несколько шагов по холодному мрамору и остановилась в центре гостиной. И тогда я почувствовала странное: мне не хотелось расставаться с ним. Вот так, прямо сейчас, посреди его мёртвой красоты, я вдруг ясно ощутила, что люблю его. Или думаю, что люблю. Я смотрела внутрь себя, как в тёмный колодезь, и пыталась разглядеть там хоть что-то настоящее. Любовь ли это? Или привычка? Или страх остаться одной? Три года вместе. Он был первым, кто принял меня в этом огромном городе. Он водил меня в театры, показывал Вельбург, знакомил с нужными людьми. Он был сильным, уверенным, и мне казалось, что рядом с ним я в безопасности.

Но потом перед глазами встали рыжие волосы, и платье, сползшее с плеча, и его рубашка, застёгнутая наспех.

Измена.

Слово встало в груди, тяжёлое, как камень. Это была измена, самая настоящая, и мне предстояло решить, смогу ли я её простить. И могу ли. Мысли путались, сталкивались, как льдины. Я хотела простить. Я хотела не прощать. Я не знала, чего хочу.

Из глубины квартиры донёсся голос.

Громкий, срывающийся, злой. Сергей кричал в кабинете, и я замерла, как зверёк. Он говорил по телефону. Слова долетали обрывками:

— ...я сказал, что отдам! Да, отдам, ты слышишь? Не надо мне угрожать! Мне нужно ещё две недели, и тогда всё будет, абсолютно всё... Я не собираюсь это обсуждать по телефону!

Пауза. Потом снова:

— Какие проценты? Мы так не договаривались!

Я не понимала этого разговора. Кто-то требовал у него денег, это было ясно. Кто-то опасный, раз Сергей, всегда такой уверенный, так срывался. Но кто и сколько, я не знала.

Ноги сами понесли меня по коридору. Я не должна была подходить. Нужно было просто пройти в спальню, забрать вещи и уйти. Но что-то тянуло меня к двери кабинета, как тянет к краю обрыва. Я остановилась перед приоткрытой створкой и осторожно, на самую малость, заглянула внутрь.

Он стоял спиной ко мне, у окна, в той же расстёгнутой рубашке, и держал телефон у уха. Плечи его были напряжены. Я смотрела на этого человека и не узнавала его: это был не тот Сергей, которого я привыкла видеть, не уверенный хозяин жизни, а загнанный зверь.

Руки у меня тряслись. Ноги тряслись. Всё тело ходило ходуном, а дыхание стало поверхностным, быстрым, лихорадочным. Я боялась. Или просто так сильно переживала того, что сейчас услышу от него, что тело не выдерживало.

Он вдруг резко обернулся.

Наши глаза встретились. На мгновение в его лице мелькнуло что-то беспомощное. Но тут же всё скрылось под волной злости, лицо исказилось, и он швырнул телефон. Тот ударился о стену рядом с моей головой, разлетелся на куски. Я вскрикнула и отпрянула.

— Ты?! — Он шагнул ко мне. — Ты опять?! Что тебе нужно?! Ты вообще понимаешь, что ты устроила? Ты врываешься, подглядываешь, ты...

— Сергей, я... — Я попятилась. — Я просто... я пришла за вещами. Я не хотела... Я не знала, что ты...

Я слышала собственный голос и ненавидела его. Жалкий, дрожащий, оправдывающийся. Это ведь я должна была закатить скандал! Это я должна была кричать, бить посуду, требовать объяснений. Это его застали на диване с другой женщиной, а не меня. А я стояла, с красным носом, и оправдывалась, как нашкодившая девчонка.

— Я передумал! — заорал он. — Слышишь? Я передумал жениться на тебе! Я ошибся! Я все эти годы ошибался!

— Что?..

— Карина, — произнёс он это имя почти с нежностью, и меня обожгло. — Вот кто мне нужен. Вот истинная любовь, понимаешь? А ты? Ты же пресная! Как вода! Амёба! Ты ничего не умеешь, кроме как рисовать свои картинки и ходить со мной за ручку. Ты даже скандал нормальный устроить не можешь! С тобой скучно, Настя, до тошноты скучно!

Каждое слово било, как пощёчина. Я хотела закрыть уши, но руки не поднимались.

— И знаешь что? — продолжал он, уже тише, но от этого страшнее. — Ты сама виновата. Сама. Если бы ты была другой, если бы хоть немного старалась, я бы не искал на стороне. Ты довела меня. Ты вечно ходила с этим своим несчастным лицом, жалела себя, ни разу не поддержала, не вдохновила. Мужчине нужна женщина, а не тряпка. Так что не строй из себя жертву.

Пол уходил у меня из-под ног. «Сама виновата». Я ведь и сама думала об этом по дороге, и теперь, услышав это вслух, чуть не поверила. Он умел это: говорить так уверенно, что сомнение оседало в голове само собой, как пыль.

— Забирай свои вещи, — бросил он и махнул рукой куда-то в сторону коридора, так небрежно, словно отгонял муху. — И убирайся. Тамара Павловна всё уже собрала. Твоя сумка в моей спальне.

Он отвернулся и подошёл к окну.

У меня задрожали губы. Хотелось сказать ему всё: что он лжец, что трус, что я три года отдавала ему себя по кусочкам, а он топтал, и что я, может быть, не амёба, а просто слишком долго была доброй. Хотелось закричать так, чтобы задрожали стёкла. Но я не смогла. Слезы

лились снова, и всё, на что меня хватило, это тихо, с достоинством, которого сама от себя не ожидала, сказать:

— Ну и прекрасно. Я и сама думала съезжать.

Он не ответил. Я развернулась и пошла по коридору, всхлипывая, но с гордо поднятой головой.

В нашей, вернее, уже не в нашей спальне было темно. Тамара Павловна, пожилая женщина, которая приходила убирать у нас три раза в неделю и всегда относилась ко мне по-доброму, оставила на кровати мою сумку. Старую, небольшую, потёртую, с которой я три года назад приехала в этот город и переступила порог его дома. Я смотрела на неё, и у меня сжалось сердце. Она выглядела такой маленькой. Такой жалкой.

Я расстегнула молнию. Внутри лежали мои старые вещи: джинсы, пара свитеров, ночная рубашка, простое бельё, потрёпанный блокнот для набросков. Именно то, с чем я сюда въезжала.

Я прошла в гардеробную. Она была огромной, отдельной комнатой с зеркалами и подсветкой. Половину занимали вещи Сергея, ровными рядами рубашек и пиджаков. На моей половине висели платья, пальто, кашемировые свитера, сумки, туфли. Красивые вещи, которые я покупала себе потом, когда жила с ним, на свои заработанные деньги. Мне хотелось чувствовать себя достойно рядом с ним, в его кругу.

Ничего из этого не было собрано.

Я вернулась к кабинету, чувствуя, как вместо слёз поднимается другое, горячее.

— Сергей. Почему мои вещи не собраны? Там только старая сумка. Моё пальто, платья, всё, что я покупала...

Он обернулся, и на лице его была спокойная, холодная усмешка.

— А что, ты хотела унести всё?

— Это мои вещи! Я их купила на свои деньги!

— На свои? — Он поднял брови. — Настя, ты хоть понимаешь, на что ты жила последнее время? Ты жила здесь. Бесплатно. Не платила за аренду, не платила за коммуналку. Всё, что ты сэкономила на жилье, ты потратила на эти тряпки. Так что давай честно: это возмещение. За твоё проживание у меня. Считай это платой.

Я смотрела на него и не верила, что слышу это.

И тогда я вспомнила про кредит.

Тот самый, который оформила на себя ещё тогда, когда работала, ради нашей свадьбы. Все эти месяцы платежи шли, как-то сами, и я не вникала: Сергей говорил, что сам разберётся с банком. Он говорил, что платил. А теперь...

— Хорошо, — сказала я, и голос, как ни странно, стал твёрже. — Тогда верни мне деньги, которые мы взяли на свадьбу. Тот кредит оформлен на меня. Если свадьбы не будет, они должны быть у тебя.

— Какие деньги? — лениво усмехнулся он.

— Кредит на свадьбу!

— Их нет, Настя. Всё потрачено.

— Как потрачено? — прошептала я. — Я даже платье не купила! Мы ничего не заказали! Куда они могли уйти?

— В ресторан, — отрезал он. — Нужно было вложить. У меня сейчас сложный период, ты же видишь. Так что считай, что это тоже возмещение. Моих ущербов. Разбирайся со своим кредитом сама, это твоя проблема.

Мир качнулся.

Я стояла посреди его кабинета и вдруг ясно, как будто туман рассеялся, увидела всё целиком. Я осталась без дома: мне некуда идти. Без работы: я бросила её по его настоянию. Без

денег: последняя стипендия, и та копеечная. С кредитом, который теперь висел на мне одной, тяжёлым камнем. Три года моя жизнь зависела от этого человека, и он знал это.

Губы у меня опять затряслись. Колени подгибались. Хотелось упасть на пол и разрыдаться.

А потом что-то внутри меня щёлкнуло.

Тихо, почти беззвучно, как щёлкает замок. Откуда-то из глубины, из самого дна, где ещё оставалось что-то целое, поднялась злость. Она была чистой и холодной, как вода из горного ручья. Я выпрямила спину. Подняла голову. Посмотрела на него долгим, прямым взглядом, и впервые за три года он отвёл глаза первым.

Я ничего не сказала. Просто развернулась и вышла.

В спальне схватила сумку, закинула на плечо. В коридоре, у самой двери, на полу валялся мой дипломный тубус с эскизами и вся папка с работой, над которой я трудилась больше года. Видимо, Сергей, или кто-то по его указанию, выкинул её туда, как мусор. Сердце у меня сжалось. Я подняла папку, прижала к груди вместе с пледом Артёма, и мои пальцы вцепились в неё так, что побелели костяшки.

Больше я ни на что не оглянулась.

Дверь хлопнула за мной тяжело и окончательно. Я спустилась по лестнице, мимо зеркала, мимо Георгия Петровича, который что-то тихо сказал мне вслед и не получил ответа, мимо лилий и мрамора, и вышла в холодный воздух.

Ночь была глухая, тёмная, без единой звезды. Ветер гнал по тротуару листья, и они шуршали под моими ногами, как чужие слова. Фонари стояли редкие, и свет их тонул в тумане. Я шла, не зная куда, со старой сумкой, с дипломной работой под мышкой, в чужом пледе, накинутом на плечи, и со всей своей бедой. Позади остался дом, три года жизни, любовь, которую я так и не поняла. А впереди была только ночь.

И, как ни странно, она не пугала меня так, как пугала та квартира, из которой я только что вышла.

Глава 4

Я остановилась на каком-то перекрёстке, под фонарём, который гудел, как усталая муха, и вдруг поняла, что дальше идти некуда.

Не в смысле дороги. Дорог в Вельбурге много, они сплетаются в узлы, расходятся по мостам и набережным. Но каждая из них вела туда, где у меня не было ни крыши, ни тёплого окна. Ночь стояла плотная, сырая. Руки у меня замёрзли, и я села на каменный бортик клумбы, где торчали остатки увядших бархатцев, поставила рядом сумку и папку с дипломом и сначала просто дышала.

«Надо куда-то ехать», — подумала я. Мысль была простая и очень далёкая, как огонёк в тумане.

Телефон. Я привычно потянулась к карману и вдруг вспомнила, что телефона у меня нет. Руки сами полезли в сумку, просто чтобы чем-то заняться, пальцы нашарили боковой кармашек на молнии, тот, что я не проверила, когда забирала вещи. Там что-то лежало. Гладкое, прямоугольное.

Мой телефон.

Я вытащила его и несколько секунд тупо смотрела, не веря. К нему была приклеена жёлтая бумажка, исписанная аккуратным, круглым почерком: «Настенька, телефон привезли курьером из ресторана, нашли в коридоре. Берегите себя, родная. Т. П.». Тамара Павловна. Она положила его мне в сумку, не сказав ни слова, и теперь эта бумажка казалась мне последним тёплым прикосновением, которое осталось от прошлой жизни. У меня опять защемило в носу.

Экран засветился. Заряд ещё держался, процентов пятнадцать. Я смахнула уведомления и увидела: «Пропущенный вызов, Маша». Потом ещё один. Потом ещё. Одиннадцать пропущенных. И три сообщения: «Настя, это ты звонила с незнакомого?», «Ты где?», «Ответь мне, пожалуйста, я волнуюсь».

Я прижала ладонь ко рту. Маша.

Кроме Маши, у меня никого не было. Это вдруг стало ясно с оглушительной простотой. Три года в большом городе, и я так и не обзавелась ни одним человеком, к которому могла бы прийти ночью в слезах. Подруги по курсу разъехались по своим компаниям, и я, занятая Сергеем, отдалилась от всех. Остались только Маша и пустота.

Я нажала на вызов. Она ответила после первого же гудка.

— Настя! Господи, ты где? Я с ума сходила!

— Маш, — сказала я и поняла, что голос не слушается. Он ломался, как сухая ветка. — Мне очень нужна твоя помощь. Прости. Мне так стыдно. Я не знаю, к кому ещё...

— Эй, эй, тише, — её голос стал мягким, быстрым, собранным. — Ничего не объясняй. Тебе нужна поддержка, я поняла. Всё хорошо. Ты сможешь добраться до меня?

Она жила на самой окраине, в районе, который в Вельбурге называли просто «за заводами». Там не было ни мостов, ни набережных, ни золотых клёнов: бесконечные девятиэтажки, гаражи, трубы. Маша снимала комнату в коммунальной квартире, потому что на нормальное жильё у неё не хватало денег, пока она доучивалась и подрабатывала. Автобусы туда в такое время не ходили. Пешком я шла бы часа два, а то и больше.

— Да, — сказала я. — Я постараюсь. Возьму такси.

— Тогда я жду. Адрес помнишь? Я выйду к подъезду. Только не бойся, слышишь? Просто приезжай.

Я нажала отбой и вызвала машину. Цену мне показали такую, что я зажмурилась. Огромные деньги для той, у кого нет ни работы, ни жилья. Но пешком, в таком виде, ночью, через «заводской» район... Хотя, честно говоря, мне уже нечего было терять, и выглядела я так, что меня, пожалуй, обошли бы стороной даже грабители.

Пока машина ехала, я пересчитала в голове свои сбережения. Хорошо, что я никогда не была транжирой: все покупки, которые я позволяла себе, были редкими, обдуманными. Я копила на каждую вещь, откладывала, прикидывала. Сейчас это спасало меня. Не на долго, нет, но на первое время хватит. Эта мысль на мгновение меня подбодрила, как маленькая лампочка в тёмной комнате.

Такси подъехало быстро: серая машина с шашечками. Водитель, крепкий мужчина лет пятидесяти с седыми висками, поздоровался и помог убрать сумку и папку в багажник. Я села сзади, закутавшись в плед Артёма, и машина тронулась.

За окном проплывал ночной Вельбург. Огни, мосты, тёмная вода. Я смотрела на него и думала, что вчера этот город казался мне домом, а сегодня стал чужим, как гостиница, в которой кончился срок проживания.

Водитель то и дело поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Не нагло, нет, как-то осторожно, украдкой. На третьем светофоре он не выдержал:

— Девушка, у вас всё хорошо?

Я сжала телефон в ладони.

— Да, — ответила я и даже попыталась изобразить улыбку, но она вышла неубедительной. — Всё хорошо, спасибо, что спросили.

Он кивнул, больше не сказал ни слова, но включил печку посильнее и убавил радио.

Чтобы хоть как-то отвлечься, не думать, не вспоминать, я открыла соцсеть. Раньше я выкладывала туда сторис и фото про свою учёбу: наброски на пленэре, мазки красок, кусочки света на холсте, вид из окна Академии. У меня было несколько сотен подписчиков, в основном однокурсники и случайные ценители. Я зашла в раздел просмотров, сама не зная зачем. Наверное, из какого-то глупого желания проверить, смотрел ли Сергей. Смотрел ли он, хоть раз за эти три года, на то, что я делаю? Этот вопрос был и смешным, и болезненным.

Сергея среди просмотревших не оказалось. Конечно. Но в самом низу, под последней сторис, я заметила имя, которого раньше не видела. Аккаунт с лаконичной подписью и аватаркой: фотография, где мужчина стоял спиной, у огромного холста, засыпанного брызгами золотой краски.

«Артём Лавров. Галерея „Янтарный час“».

Я моргнула. Потом ещё раз.

Он смотрел мои сторис.

Сердце сделало глупый, радостный скачок, и я даже не успела удивиться самой себе. Палец сам нажал на аватарку. Профиль открылся, и я пропала.

Там были фотографии картин, залов, мазков света на стенах галереи. Утренний туман над Вельвой, снятый с моста. Руки, измазанные краской, на деревянном столе. Огромное полотно с осенним лесом. Снимок собаки, лохматой, рыжей, в плаще из какой-то ткани. Подпись под ней: «Сторож». Он писал короткие подписи, остроумные, с лёгкой самоиронией, и в каждой слышался его голос, тот самый, низкий, чуть насмешливый.

Я смотрела на него, приближая пальцами одну фотографию, потом другую. Вот он улыбается, и на щеках ямочки, которых я днём не заметила. Вот он, задумавшись, стоит перед картиной, и свет падает ему на профиль. Я растягивала снимки, возвращала обратно, разглядывала то руки, то волосы, то прищур серых глаз. И забыла. Совершенно забыла про измену, про Сергея, про кредит, про позор. Я сидела в тёмной машине, закутанная в его плед, и улыбалась, как дурочка, глядя в экран.

Не заметив, как это произошло, я поставила лайк. Потом ещё один. Потом на фотографию с собакой. Потом на осенний лес. Пальцы бежали сами, и только когда счётчик показал восьмой подряд, до меня дошло, что я делаю.

Господи.

Я залилась краской до корней волос. Что он подумает? Что я его преследую? Что девушка, которая днём рыдала у него в галерее, вечером лайкает его пальцы и собак? Я торопливо закрыла приложение и спрятала телефон в сумку, как будто он обжигал.

Но улыбка не сходила с моих губ до самого конца пути.

Такси остановилось у серого девятиэтажного дома, в окружении таких же серых коробок. Над подъездом тускло мигала лампочка. Пахло сыростью, соляжкой и чем-то горелым. Я расплатилась, поблагодарила водителя, и он на прощание неожиданно сказал:

— Держитесь, девушка. Всё наладится.

Я не успела ответить, как он уехал.

— Настя!

Маша выбежала из подъезда в домашней кофте и тапочках, растрёпанная, с тревогой на лице. Маленькая, быстрая, с тёмной чёлкой и огромными карими глазами. Она кинулась ко мне, и мы обнялись прямо посреди двора, под мигающей лампочкой. Я уткнулась в её плечо и впервые за этот вечер почувствовала, что можно перестать держаться.

— Тихо, тихо, Настюш,— шептала она. — Я здесь. Пойдём, ты вся ледяная.

Она взяла мою сумку, и мы поднялись на пятый этаж. Подъезд был обшарпанный, с испитыми стенами, лифт не работал. Дверь квартиры открывалась тугим, скрипучим ключом.

Коммунальная квартира встретила нас длинным, узким коридором, заставленным чужими ботинками, велосипедом, ящиками. Пахло борщом, табаком и старой мебелью. Лампочки висели голые, на проводах. На стенах слезали обои. В конце коридора находилась общая ванная и туалет, один на всех, с облупленной дверью, на которой кто-то написал мелом: «Не забывайте выключать свет». Когда Маша включила свет дальше по коридору, по полу молниеносно разбежались несколько юрких тараканов, и она виновато поморщилась.

— Не обращай внимания. Мы с ними живём в мире.

Но стоило ей открыть дверь в свою комнату, как я невольно выдохнула.

Это была другая планета.

Комната была небольшая, но каждый сантиметр в ней дышал заботой. Я помнила, как мы делали здесь ремонт, как прошлой весной, в две пары рук, мы шпаклевали стены, выравнивали их, красили в тёплый сливочный цвет. Я рисовала эскизы, Маша таскала мешки со смесью. Мы вместе мастерили перегородку из реек и белой ткани, которая отделяла спальную зону от остального пространства. У окна стоял аккуратный матрас на низком деревянном основании, застеленный клетчатым пледом и подушками с вышивкой. Крошечная кухонька, которую мы обустроили прямо в комнате, помещалась в углу: две полочки, электроплитка, миниатюрная раковина, баночки с крупами, которые Маша расставила по цвету. На подоконнике зеленели горшки с растениями. Над столом висела гирлянда из лампочек, тёплый свет которой делал всё вокруг уютным, как в сказке.

Получилось очень стильно, по-настоящему. Как бы ни была плоха квартира снаружи, тут, за этой дверью, жил маленький живой мир.

— Садись, — Маша усадила меня на матрас, накрыла ещё одним пледом и поставила чайник. — Чай с мятой. Потом расскажешь, что произошло. Если захочешь конечно.

Я хотела. Слова рвались наружу, и я не смогла их удержать. Я рассказала всё: про салфетки, про ресторан, про дверь, про диван, про Карину. Рассказывала сбивчиво, перескакивая, захлёбываясь слезами. Маша слушала молча, только крепче сжимала мою руку.

Когда я закончила, она тихо сказала:

— Слушай... А ты уверена? Может, тебе показалось? Может, там была какая-то ситуация, и ты просто не так поняла? Ты же была в шоке. Может, стоит ещё раз поговорить с ним, спокойно...

— Маш, — перебила я. — Я там была. Он сказал, что я пресная. Что она его настоящая любовь. Что я сама виновата.

— Он тебе это сказал?

— Он меня выгнал. Просто выгнал. Вещи в старую сумку закинул, а остальное оставил себе «возмещение». Урод.

Маша замерла. Я видела, как у неё меняется лицо: сначала растерянность, потом недоверие, потом глухая, тёмная ярость.

— Выгнал, — повторила она медленно. — Ночью. Из дома, где ты три года прожила.

— Да.

— Ну и плевать, — отрезала она и стукнула ладонью по колену. — Слышишь? Плевать на него. Ты остаёшься у меня. Прямо сейчас. Пошёл он, мудака такой. Будешь жить здесь, сколько нужно, пока не встанешь на ноги.

— Маш, тут и одной-то тесно...

— Тесно, зато нам тепло и есть крыша над головой. И я ничего не хочу слышать. Это не обсуждается.

Я заплакала снова, но по-другому: не от горя, а от того, что кто-то всё-таки был на моей стороне. Меня переполняло и облегчение, и стыд, и благодарность, всё сразу.

И тогда я рассказала ей про кредит.

Я не хотела. Мне было невыносимо стыдно признаваться в этом. Я сидела, опустив голову, и слова вылетали сами:

— Я взяла кредит. На свадьбу. Он так хотел, а я оформила на себя. Он обещал, что сам будет платить, а теперь говорит, что деньги потрачены, и чтобы я разбиралась сама. Я ничего не получила, Маш, ничего. Ни платья, ни праздника. Только долг. Какая же я дура! Как я могла? Как я могла быть такой слепой? Я же видела, я чувствовала, что что-то не так, и всё равно доверилась...

— Эй, дружок, — Маша обняла меня за плечи и крепко прижала к себе. — Нет. Не говори так. Ты не дура. Ты просто любила. Это не преступление.

— Но кредит...

— Справимся, — сказала она твёрдо. — Вместе справимся. Мы найдём способ. Я тебе помогу. А тебе сейчас нужно думать об одном: защитить диплом. Закончить последний курс. Получить красный диплом, ты же отличница, и всё. Остальное потом. Что-нибудь придумаем, слышишь? Обязательно придумаем.

Я кивнула, всхлипывая ей в плечо. Слова ещё не успели меня утешить, но я чувствовала: она не врёт. Не бросает обещания на ветер. Она будет рядом.

Мы допивали чай, когда Маша вдруг усмехнулась.

— Знаешь, что самое смешное? Эта твоя Карина. Рыжая поставщица кофе. У неё, наверное, не только зёрна подгорают, но, видимо, и еще одно место, раз она по чужим кабинетам шастает.

Я фыркнула, не удержавшись.

— Маш!

— Серьёзно! Пусть варит свой кофе и не лезет к чужим эклерчикам, хотя у Серёжи там может пирожное картошка?

Меня прорвало. Я начала смеяться сквозь слёзы, сначала тихо, потом громче. Маша подхватила, и мы хохотали, как сумасшедшие, прижимаясь друг к другу, вытирая глаза, хватаясь за животы. Нас накрыла та самая истерика, которая приходит после слишком тяжёлого дня, когда смех и слёзы становятся одним целым. Мы смеялись над салфетками, над «фонарным столбом», над Сергеем в расстёгнутой рубашке, над его «амёбой», над всем на свете.

В стену вдруг постучали. Громко, глухо, ритмично.

— Эй! — раздался из-за стены хриплый мужской голос. — Дайте поспать, ненормальные!

Мы замерли на секунду. А потом расхохотались ещё сильнее, зажимая рты ладонями, чтобы не взвизгнуть, и от этого нас трясло ещё больше. Маша, красная, как помидор, сползла на пол и застонала:

— Всё, всё, не могу...

— Простите! — крикнула я в стену, давясь смехом. — Мы больше не будем!

— Вы нормальные вообще?!

— Нет!

И нас снова разнесло. Смех катился по комнате, как волна, и я вдруг поняла, что давно так не смеялась. По-настоящему, от души, до слёз, до боли в животе.

Потом мы всё-таки утихли. Маша постелила мне рядом со своим матрасом, на второй, надувной, и я забралась под одеяло, измученная, выжатая до дна. За окном шумел ветер, где-то далеко гудел поезд. Гирлянда над столом мягко мерцала, окрашивая потолок тёплыми бликами.

— Спи, — прошептала Маша. — Всё будет хорошо.

Я закрыла глаза. «Пожалуйста, пусть новый день будет лучше», — подумала я, и перед тем как провалиться в сон, на мгновение увидела серые глаза и лёгкую усмешку.

Артём

Я не собирался этого делать.

Просто в какой-то момент, после того как вернулся в галерею, налил себе чаю и сел на подоконник у большого окна, телефон сам оказался в руке. Я бездумно листал ленту, мысли были далеко, а потом экран мигнул уведомлением: «Анастасия Воронцова поставила отметку „нравится"».

Одну. Потом ещё. Потом ещё несколько подряд. Под фотографией моей собаки, под старым снимком осеннего леса, под той самой картиной, которую я написал два года назад в самую тяжёлую зиму.

Я смотрел на экран и улыбался. Широко, глупо, как мальчишка. Хорошо, что никто не видел.

Её аккаунт был открыт. набросок за наброском, этюд за этюдом: Вельва в тумане, старые арки Академии, женщина у окна, написанная такими лёгкими, живыми мазками, что у меня внутри что-то сжалось. Талант. Настоящий, нешлифованный, который сам не знает, чего стоит. Я просмотрел её истории днём, пока она была ещё случайной незнакомкой, которая в меня врезалась. Тогда это был просто профессиональный интерес. А теперь...

Я закрыл глаза и увидел её. Как она стояла у моей стойки с мокрыми ресницами и размазанной тушью, вцепившись в старую трубку. Как вздрагивала от каждого слова и всё равно пыталась держать спину прямо. Как в машине отворачивалась к окну, а в стекле я видел её отражение и понимал, что пропал.

За тридцать лет я встречал разных женщин. Красивых, умных, колких, изысканных. Некоторые нравились. Одна почти завладела мной, но оказалась не той. Я давно привык думать, что влюблённость с первого взгляда бывает только в плохих романах. А тут... В кои-то веки. Просто из ниоткуда, посреди обычного вторника, под морозящим дождём. Белокурая, смешная, неловкая, с ресницами, которые она вытирала рукавом.

И какая насмешка судьбы: она выходит замуж. За Сергея. За моего старого знакомого, которого я знаю столько лет, что давно перестал удивляться его поступкам, хотя иногда и хотел.

«Удачи вам и вашему жениху», — я сказал это ровно, спокойно, вежливо. А внутри что-то оборвалось.

Я смотрел на экран, на её последний лайк, и думал: зачем она это сделала? Случайно? От скуки? Или?..

Нет. Не надо. Она чужая невеста. Мне нечего здесь ловить.

Я отложил телефон, потёр лицо ладонями, поймал себя на том, что всё ещё улыбаюсь, и тихо выругался. Потом взял телефон снова и открыл её профиль.

Глава 5

Прошло несколько недель.

Осень за это время перевалила через середину и вошла в самую красивую свою пору. Трава на набережных пожелтела, клёны оделись в багрянец, а утренние лужи по краям затягивало тонким, хрупким ледком. Вельбург пах дымом, мокрой листвой и печёными яблоками из уличных ларьков. А я продолжала жить в Машиной комнате, спать на надувном матрасе, пить мятный чай по вечерам и собирать свою жизнь по кусочкам, как разбитую чашку.

Получалось плохо.

Жизнь за эти недели не наладилась, но как-то устроилась, приобрела форму. По утрам я вставала раньше Маши, чтобы успеть пройти в общую умывальню без очереди. Потом ехала в Академию: сначала на автобусе, который пах сырой одеждой, потом на трамвае, где толкались студенты и пенсионеры. Три месяца назад я бы ужаснулась такому маршруту. Раньше меня подвозил Сергей, ровно в девять утра, на блестящей чёрной машине, а если у него были дела, я вызывала такси и даже не смотрела на цену. Я не замечала этого. Не замечала, что живу в мягком, тёплом коконе, который кто-то согревал для меня.

Теперь кокон лопнул. Я стояла в промозглом трамвае, держась за скользкий поручень, и думала, как стремительно можно рухнуть с высоты. Не плавно, не по ступенькам, а прямо вниз, в лужу, лицом в асфальт.

В Академии всё было иначе. Раньше про меня говорили: «Настя, невеста Орлова, того самого, у которого рестораны». Говорили с уважением, с лёгкой завистью, и я чувствовала на себе их взгляды, как тёплый свет. Теперь взгляды стали другими. Любопытными, сочувствующими, холодно-насмешливыми. Слухи в нашем мире расходятся быстрее краски по мокрой бумаге: «Орлов её бросил. Говорят, у него другая». «А она ведь так хвасталась». «Бедняжка, осталась ни с чем». Я шла по длинному коридору мимо знакомых лиц, в старой куртке и в джинсах, которые носила три года назад, и чувствовала себя героиней своей собственной сказки, из которой вынули всё золото.

Больше не было красивой одежды, не было духов, не было ни машины, ни поцелуев в висок на прощание. Я не понимала, как можно так быстро сменить статус, как в театре, где меняют декорации между актами. Вот только что ты сидела в ложе, а теперь стоишь в тёмном партере.

Но большее всего было другое.

Я ждала.

Глупо, стыдно, но я ждала. Даже когда разум твердил, что ждать нечего, сердце по привычке вздрагивало при каждом звонке. Мне казалось, что он вот-вот позвонит. Что он придёт в себя, поймёт, какую ошибку совершил, упадёт к моим ногам и будет умолять о прощении. Я представляла, как открою дверь, а он стоит с розами, измученный, виноватый, и говорит: «Настя, я был идиотом». Откуда во мне взялась эта уверенность? Наверное, оттого, что раньше у нас всё было очень хорошо. Я помнила его другим: вечера, когда мы сидели на кухне и он рассказывал про своё детство, как мы смеялись над какой-то ерундой, как он носил меня на руках через лужи. Это ведь было. Это не могло оказаться обманом.

Я смотрела в телефон по десять раз в час. Сообщений не было. Звонков не было.

А потом, одним вечером, когда Маша задерживалась на работе и в комнате стояла тишина, я не выдержала. Руки сами набрали его номер. Я не знала, зачем звоню. Что скажу? О чём спрошу? Просто хотелось услышать гудки.

Гудков не было. Механический голос сообщил, что абонент недоступен.

Я попробовала написать ему в мессенджере. Сообщение не доставлялось: рядом с его аватаркой стоял серый кружок. Зашла в соцсети. Страница закрыта, доступ запрещён. В каждой, везде. Он заблокировал меня всюду. Тихо, методично, ничего не сказав.

Я сидела на надувном матрасе с телефоном в руках и не могла вдохнуть. Это был удар под дых, хуже любого крика. Меня не просто обманули, не просто выгнали. Меня вычеркнули. Как ошибку в черновике. Как строчку, которая больше не нужна. Три года жизни стёрли одним нажатием кнопки.

Ему со мной стало совсем не интересно. Даже ссориться не интересно.

Я заплакала, тихо, сжав зубы, чтобы соседи не услышали. Плакала от боли, от обиды, от горькой, жгучей несправедливости. Я ведь доверяла ему. Любила его. Как можно так поступить с человеком, который тебе верил? Это же нечестно, это не по-человечески. Но потом я вытерла лицо рукавом и сказала себе: «Хватит. Лицо надо держать». Не ради кого-то. Ради себя самой.

И я держала. Нашла несколько подработок: по утрам разносила кофе и выпечку в маленькой кофейне у Академии, по вечерам помогала готовить фоны для фотографа, по выходным раскрашивала витрины к праздникам. Деньги были небольшие, но живые, свои. Я считала каждую монетку, как скупой рыцарь, и впервые за долгое время ощущала странную гордость: я справляюсь. Пока справляюсь.

Единственным, что оставалось у меня сверх этого, были тайные, постыдные минуты, когда я заходила на страничку Артёма.

Он обновлял её редко. Очень редко, и только если в галерее что-то происходило: открытие выставки, новая картина, приезд художника. Каждый раз, когда появлялась новая фотография, у меня внутри что-то вздрагивало. Я смотрела на неё долго, увеличивала, разглядывала его руки, его профиль, лёгкую небритость, свет на волосах. Потом закрывала и сидела с горящими щеками, как школьница.

Иногда, ночью, когда Маша спала, я брала блокнот и рисовала. Не для Академии, не для заказов, а просто так, для себя. Рисовала, как он ведёт меня по набережной, как мы идём рядом под жёлтыми деревьями, как он берёт меня за руку. Рисовала, как он ведёт меня в ресторан, не в «Орловъ» с его тяжёлыми стенами, а в какой-нибудь маленький, тёплый, с лампами и деревянными столами. Я зарисовывала его улыбку, ту самую, с уголком губ. Потом смотрела на рисунки и мне становилось стыдно, и я прятала блокнот в самый дальний угол сумки.

Потому что где я и где он?

Он владелец галереи, красивый, уверенный, взрослый. Мужчина, который, наверное, привык к женщинам в тонких каблуках и дорогих духах. А я? Брошенная невеста с долгом, в старой куртке, живущая в коммуналке. Я не позволяла себе даже мысли, что такой, как он, может на меня посмотреть. Это была просто мечта, тихая, никому не нужная, как цветок на подоконнике.

Но самое страшное было впереди.

Звонок раздался в пятницу, в обеденный перерыв, когда я стояла в коридоре Академии и пила остывший чай из бумажного стаканчика. Номер был незнакомый. Я ответила, ожидая, что это насчёт работы.

— Анастасия Александровна Воронцова? — Голос был мужской, ровный, лишённый интонаций, как у автоответчика.

— Да, это я.

— Агентство «Правый баланс». Мы выкупили ваш долг по кредитному договору. Задолженность составляет... — Он назвал сумму.

Я не сразу поняла. Цифра была слишком большой, чтобы быть настоящей. Она казалась чьей-то ошибкой, опечаткой.

— Какой долг? — прошептала я. — Вы, наверное, ошиблись. Мой жених... то есть мой бывший... он платил по этому кредиту. Он говорил, что всё в порядке.

— Ваш жених, — в голосе мелькнуло что-то похожее на усмешку, — не внёс ни одного платежа за семь месяцев. Ни одного, Анастасия Александровна. Просрочка накапливалась, начислялись штрафы и пени. Банк передал долг нам. Сумма выросла в несколько раз.

— Этого не может быть. Банк бы мне звонил, писал...

— Банк звонил на номер, который указан в договоре. Никто не отвечал.

Я стояла, и коридор вокруг плыл. Стаканчик в моей руке дрожал, и чай плескался на пальцы, но я не чувствовала жара.

— Послушайте меня внимательно, — продолжал голос, и в нём теперь появился металл. — Договор оформлен на вас. Вы заёмщик, вы и отвечаете. Нас не интересует, кто и что вам обещал. Нас интересует, когда мы получим деньги. Срок у вас неделя, чтобы внести хотя бы первую часть. Если нет, мы начнём работать иначе.

— Как иначе? — выдавила я.

— Мы знаем, где вы учитесь. Знаем ваших преподавателей, адрес вашей прописки, номера родственников. Вы ведь из маленького города, да? У вас там мама? Мы позвоним ей. И вашему руководителю диплома позвоним. И в деканат. Расскажем, какая у них замечательная студентка, которая не платит по долгам. Мы очень вежливые люди, Анастасия Александровна, но у нас много терпения только до определённой границы.

— Не надо... — Я привалилась спиной к холодной стене. — Не надо маме. Пожалуйста.

— От вас зависит. Неделя. Всего доброго.

Короткие гудки. Я сползла по стене на корточки, и телефон выскользнул у меня из рук и покатился по плитке. Сердце колотилось так, что отдавало в ушах. Мимо проходили студенты, кто-то оглядывался, но я не видела лиц.

Мама. В нашем маленьком городке с одним светофором, где она работала в библиотеке, получала скромную зарплату и каждый вечер ждала моих звонков. Она ведь гордилась мной. Рассказывала соседкам, что дочка учится на художника, выходит замуж за богатого человека. Если ей позвонят... Если ей скажут...

Я зажмурилась, судорожно вспоминая. Как же так вышло? Почему я не знала? Почему никто не сказал мне? В голове лихорадочно, как в калейдоскопе, перекачивались обрывки, и вдруг один из них встал на место.

Симка.

Старая симка, на которую я оформляла кредит. Все бумаги, все смс из банка, всё приходило на тот номер. А потом, вскоре после подписания договора, Сергей вдруг принёс мне новую сим-карту. Сказал, что нашёл выгодный тариф, дешевле, с безлимитным интернетом. «Давай перейдём, милая, я уже всё оформил». Я обрадовалась, потому что он заботился. Передала карту, привыкла к новому номеру. Старая так и осталась лежать где-то в ящике, а письма и звонки от банка шли туда, в пустоту.

Он сделал это нарочно.

Меня как кипятком обдало. Конечно. Он всё знал: что банк будет звонить, что платежей не будет, что со мной нельзя будет связаться. Он спрятал меня от собственного долга, как прячут от маленького ребёнка опасные предметы.

И тут ещё кое-что дошло до меня, и от этого стало ещё холоднее. Человек из агентства позвонил мне на новый номер. А откуда у него этот номер? Если кредит был привязан к старому...

Я перезвонила, чтобы спросить. Дрожащим голосом, сквозь зубы, как человек на допросе. И тот же ровный голос ответил:

— Этот номер нам передали. Ваш бывший жених. Он сам дал его, чтобы с вами связались.

Я положила трубку и долго сидела на корточках, глядя в одну точку на плитке.

Он сам. Не просто не платил, а своими руками отдал меня в чужие руки. Чтобы оставить с долгом, чтобы выжать до конца, пока не придут к ней, ничего не знающей, не ожидающей. Мне казалось, что таких людей не бывает. Что такое бывает только в плохих сериалах.

В этот день я вернулась в коммуналку раньше обычного. Маша была на работе, в квартире стояла тишина, только на кухне капал кран. Я закрыла дверь в комнату, села на матрас и принялась считать. Мои подработки, стипендия, всё, что я откладывала. Сумма, которую называли по телефону, не помещалась в эти цифры. Даже близко.

Значит, придётся искать ещё одну работу. Срочно. Сегодня же. А если не успею, если не соберу к неделе... Диплом, защита, всё, к чему я шла эти годы, всё может рухнуть. Какая защита, когда у меня звонят преподавателям? Какой диплом, когда не хватает времени на сон?

Я заплакала, зажимая рот ладонью, как тогда, в ночь, когда пришла сюда. Слёзы лились и лились, пока лицо не опухло. Тогда я решила умыться. Взяла полотенце и пошла по коридору к общей умывальне.

Там горела тусклая лампочка, жёлтая и беспощадная. Облупленная раковина, треснувшее зеркало, ржавый кран, из которого шла вода цвета чая. Я открыла холодную воду, наклонилась и стала плескать в лицо, пытаюсь смыть следы слёз, а заодно и всё это, весь этот день.

— Что ж ты, деточка, так убиваешься?

Я вздрогнула и выпрямилась. В дверях стоял сосед.

Я знала его, конечно, как знают всех в коммуналке. Звали его Эдик, и фамилии никто не помнил. Жил он в самой дальней комнате, в конце коридора. Худой, жилистый, лет сорока пяти, с острым, словно срезанным подбородком и маленькими, бегающими, неприятно-липкими глазами. Волосы прилизаны назад, в уголке рта золотой зуб, на пальцах два тяжёлых перстня. Он всегда ходил в спортивном костюме, поверх которого накидывал дорогую кожаную куртку, и пахло от него табаком и приторным одеколоном. По ночам к нему приходили какие-то люди: стук шагов, приглушённые голоса, хлопки дверей. Маша предупреждала меня в первый же день: «С Эдиком лишний раз не разговаривай. У него дела. Тёмные. Все знают, но никто не лезет». И я не лезла.

Теперь он стоял, прислонившись плечом к косяку, и разглядывал меня.

— Я слышал, как ты тут плачешь, — сказал он мягко, почти ласково, и от этой ласки по спине у меня побежали мурашки. — Стены тонкие. Что-то случилось у тебя, да? Проблемы?

— Всё нормально, — пробормотала я, хватаясь за полотенце.

— Не нормально, — покачал он головой. — Я же вижу. Деточка, у тебя глаза как у загнанной. Проблемы у всех бывают. Но их можно решить, понимаешь? Нужны только деньги. Денежки нужны, да?

Я промолчала. Он сделал шаг вперёд, и умывальня вдруг показалась мне крошечной.

— Я работу ищу, — выдавила я. — Ещё одну.

— Работу, — протянул он, и золотой зуб блеснул в тусклом свете. — Есть работа. Очень быстрая подработочка, лёгкая. Как раз для такой красоточки, как ты. Платят хорошо, сразу, без задержек. Много делать не надо: приятно провести время, улыбаться, быть милой...

Он протянул руку, и сухие пальцы с перстнями коснулись моего подбородка, приподняли его. Холодные, цепкие, как лапка птицы.

Я отшатнулась так резко, что ударились спиной о раковину. Что-то сорвалось у меня из горла, не крик, а сдавленный всхлип. Я выронила полотенце, оттолкнула его руку и бросилась мимо него в коридор, не оглядываясь, не дыша. Влетела в комнату, захлопнула дверь и повернула ключ. Дважды. Потом привалилась к ней спиной и сползла на пол.

Сердце билось так, что я боялась, что оно выскочит. Руки тряслись. Я слышала собственное дыхание, рваное, свистящее.

Через несколько минут по коридору прошли тяжёлые шаги. Они остановились у моей двери. Я зажала рот рукой.

В дверь тихо, почти вежливо постучали. Два раза.

— Деточка, — раздался за дверью масляный голос Эдика. — Ты не пугайся. Я ничего плохого не хотел. Просто помочь. Предложение моё остаётся в силе. Если что, ты только скажи. Я всегда рядом, на всё готов. Дверь-то у тебя, сама видишь, дешёвая, а предложение хорошее. Подумай.

Шаги удалились. Хлопнула далёкая дверь.

Я сидела на полу, обхватив колени, и мелко дрожала. В ту минуту я поняла: внизу, куда я упала, есть ещё одно дно. И оно совсем рядом.

Я не помню, сколько просидела так. Потом встала, дрожащими руками открыла ноутбук Маши и начала искать работу. Не люблю, нет. Я перелистывала вакансии одну за другой: курьер, официантка, продавец, администратор, ночная уборщица. Всё это было возможно и спасительно, но душа тянулась к другому. Я искала что-нибудь в моей сфере. Рядом с картинами, с красками, с залами, где пахнет деревом и холстом. Но таких вакансий было до смешного мало. Художественные работы раздавали по знакомым и родственникам, а у меня не осталось ни знакомых, ни родственников, ни связей.

Я искала почти час, и уже готова была закрыть ноутбук, когда на одной из страниц взгляд зацепился за скромное, короткое объявление.

«Небольшая галерея в центре города ищет помощника по работе с картинами: инвентаризация, подготовка экспозиций, встреча посетителей. Опыт желателен, но не обязателен. Для художников приоритет. Звонить по телефону...»

Ни названия, ни адреса. Только номер.

Сердце ёкнуло. Это было то, что нужно. Именно то. Я не думала, не взвешивала, не боялась. Хватит бояться. Я схватила телефон и набрала номер быстрее, чем успела передумать.

Гудки тянулись долго. Один, второй, третий. Я уже собиралась отнять телефон от уха, когда в трубке щёлкнуло.

— Слушаю, — сказал низкий, спокойный, чуть насмешливый голос. — Галерея.

Я замерла. Всё моё тело, всё дыхание, все мысли остановились разом, будто кто-то выключил мир. Этот голос. Я слышала его в машине, пахнущей кофе и красками. Слышала в тёплом свете галереи. Я слышала его во сне, в последние недели, каждую ночь.

— Алло? — повторил он. — Вы меня слышите?

Это был голос Артёма.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.